

**КОНЦЕПЦИЯ СЧАСТЬЯ В ПРОЗЕ В. АСТАФЬЕВА:
«ЭТИКА БЛАГОГОВЕНИЯ ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ»**

© Рудакова Светлана Викторовна (2022), SPIN-код: 6878-5751, AuthorID: 423188, Researcher ID: G-2875-2018, Scopus Author ID: ORCID: 0000-0001-8378-061X, доктор филологических наук, заведующий кафедрой, профессор, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Российская Федерация, 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38), rudakovamasu@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23007 «Феноменология счастья в русской литературе XVIII–XX вв.».

Основное внимание в статье сфокусировано на анализе феномена счастья в творчестве В. Астафьева, одного из ярких представителей деревенской прозы и продолжателя традиций русской классики. Выявляется связь концепции счастья Астафьева с его представлением о жизни, с его нравственными и философскими убеждениями. Обнаруживается близость позиции писателя ко взглядам А. Швейцера, утверждавшего, что «благоговение перед жизнью» должно стать основой этики и это должно определять отношения человека не только к людям, но и ко всему живому. Счастье для героев Астафьева связано с приобщением к чему-то важному, взаимодействием с кем-то или чем-то важным для общего блага, часто счастье идет вместе с несчастьем, страданием, горем. Для любимых героев Астафьева счастье – в единении с природой. Разлад в отношениях с природой ведет, напротив, к несчастью. Счастье для героев Астафьева – в любви, которая, рождаясь в сердце, преобразует жизнь человека и усиливается от желания сделать другого – любимого – счастливей. Счастье для героев Астафьева связано не с эгоистическими желаниями, а с готовностью дарить, создавать что-то прекрасное для близких, родных, любимых людей. О важности и значимости любви даже на войне, о связи этого состояния с миром счастья размышляет Астафьев в «Пастухе и пастушке», в повестях «Жизнь прожить» и «Так хочется жить». Рассматривается автором и концепция счастья, навязываемого тоталитарной системой и противопоставленного индивидуальным представлениям о счастье. Предложен в работе и анализ миниатюры «Счастье».

Ключевые слова: проза В. Астафьева, счастье, «этика» А. Швейцера, природа, любовь, мечта, война, искусство, гармония.

В. Астафьев является одним из ярких представителей деревенской прозы и продолжателем лучших традиций русской классической литературы [Бедрикова 2000; Лейдерман 2001], проблемы нравственно-философского порядка для него являются определяющими. Один из важных аспектов бытия, им рассматриваемых, – отношения человека и природы, само понятие жизни в художественной концепции Астафьева неотделимо от природы. Размышляя о вопросе взаимоотношений человека и природы, Астафьев находит все больше доводов, доказывающих позицию тех, кто считал, что разум, так возвышенный в эпоху Просвещения, к сожалению, не всегда может помочь и спасти людей от тех бед и даже катастроф, которые оказываются собственно следствием проявления их пренебрежения к природе, проявления ими потребительского к ней отношения. Астафьев в своих произведениях сталкивает две противоположных жизненных позиции: антропоцентризм и экоцентризм. Первая определяется убеждением, что человек, овладевший познанием, становится мерой всех ценностей, потому он центр биосферы. Экоцентризм же обусловлен принятием за основу идеи единства, целостной системы природы и человечества, сосуществования всего живого. Описывая мир людей и природы, Астафьев во многом следует за А. Швейцером, утверждавшим, что «благоговение перед жизнью» должно стать основой этики, распространившись не только на отношения между людьми, но и на всё живое вокруг.

Среди вопросов, к которым обращается в своей прозе Астафьев, – и проблема счастья, к осмыслению которой автор подходит со своих позиций, учитывая при этом и накопленный в культуре опыт [Абрамзон 2015а; Абрамзон 2015b; Абрамзон 2015с; Ибатуллина 2020; Петров 2021; Петров 2020а; Петров 2020b; Рудакова 2020а; Рудакова 2020b; Рудакова 2021; Сидоренко 2006; Татаркевич 1981; Цуркан 2020а; Цуркан 2020b; Abramzon 2015]. Вслед за античными мыслителями, размышляющими о счастье в проекции на сферу этического, связывающими счастье с добродетелью [Рудакова 2020а, 51–53], Астафьев задумывается о том, как связано счастье с нравственным выбором и ответственностью человека за исполнение своего предназначения. Неоднократно автор, размышляя о собственной жизни и творчестве, задается вопросами: «За что судьба даровала мне счастье жизни? Достоин ли я его, этого счастья? Все ли сделал для счастья других? Всегда ли был честен перед собой? Не рвал ли хлеб изо рта близких? Не оттирал ли с дороги локтями слабых?»

Концепция счастья Астафьева связана с его пониманием жизни, для автора высшая ценность бытия – это жить, ощущая радость каждого мгновения земного бытия, в этом видит он счастье. Счастье в мире Астафьева, полное, подлинное, соотносится с приобретением к чему-то важному, взаимодействием с кем-то или чем-то значимым. Значение понятия «счастье» для писателя часто оказывается во многом созвучным с тем значением понятия «счастье», что было выделено еще В.И. Далем: «СЧАСТЬЕ (со-частье, доля, пай) – ср. рок, судьба, часть и участь, доля» [Даль 1882, 381]. Счастье показано в произведениях писателя как абсолютное отстранение от эгоистического начала («я») ради признания неповторимости другой жизни, другой души. Потому можно говорить о сходстве астафьевской философии счастья с «этикой» А. Швейцера. Счастье, по Астафьеву, означает жить «в гуще других жизней, которые хотят жить», ощущать другую жизнь как часть своей, рассматривая как благо сохранение другой жизни. Но счастье в мире Астафьева практически всегда соотнесено со страданием, редко счастье и несчастье представляют собой два полюса жизни, чаще они парадоксально связаны и неотделимы друг от друга.

Герои Астафьева близки к природе, природный мир понятен им, для многих героев Астафьева природа не только дом – это мир, который дарит радость, с ним связано вдохновение, именно в нем они находят источник счастья.

В русле классической традиции русской литературы Астафьев разрабатывает идеи относительно гармонического единства человека и природы, которая обладает врачующим действием на человеческую душу, способствуя её перерождению; любимые герои Астафьева не мыслят себя вне природы. Они находятся в духовном и физическом единении с нею, чутко реагируют на те события, что происходят в природе, оказываясь естественной частью этих процессов.

По мнению Г. Белой, «своеобразие позиции таких писателей, как В. Астафьев, С. Залыгин, В. Распутин, Г. Троепольский, В. Белов, Е. Носов, Ч. Айтматов – при всем различии их индивидуальностей, состоит в том, что они не вне природы, а как бы внутри ее, для них природа не объект покорения или преобразования и не роковая противостоящая сила. В тональности их книг господствует чувство предельной слитности общей судьбы» [Белая 1979, 11–16].

Размышляя о взаимодействии человека и природы, автор на разных этапах своего творчества высказывает несовпадающие оцен-

ки. Так, на раннем этапе в отношении к природе ощущается влияние романтических идей, природа описывается Астафьевым в несколько романтическом свете, писатель обращает внимание своих читателей на то, что природа может благотворно влиять на человека, залечивая его эмоциональные, духовные и физические раны.

Например, герой рассказа «Ясным ли днем» (1966–1967) Сергей Митрофанович, прожив долгую жизнь, с особой теплотой вспоминает осенний день 1945 года, запомнившийся ему как один из самых счастливых в жизни, – это был день возвращения домой с фронта. Сохранился он в памяти не из-за того, что сложен был путь к родному очагу (хотя, действительно, он был очень непростым, ведь пережил герой многое, передвигался он теперь из-за ранения с помощью костылей). Счастье наполнило этот день и сделало его незабываемым потому, что впервые после возвращения с фронта он почувствовал мир, испытал радость единения с природой. Пусть и на костылях, но он вернулся домой и увидел то, что было ему дорого, и сердце его захлестнула волна нежности, радости и счастья: «Ему в радость была каждая травинка, каждый куст, каждая птичка, каждый жучок и муравьишка» [Астафьев 1997, III, 365]. Для героя Астафьева этот день возвращения в свой дом подобен чуду. Вернувшись к истокам, снова ощутив себя частью природы, герой почувствовал, как она начала исцелять и его душу, и тело: «Год провалявшись на койке с отшибленными памятью, языком и слухом, он наглядеться не мог на тот мир, который ему сызнова открывался» [Астафьев 1997, III, 365]. Картина осеннего леса, запах свежескошенного сена заставили его вспомнить то, что, ему казалось, он забыл за время войны: в памяти постепенно ожили забытые вследствие контузии названия трав, цветов; в мире, куда вернулся герой, он, контуженый, снова начал слышать знакомые звуки, различать краски. И, как итог этого перерождения, в его мир вернулись потерянные для него в ходе войны смысл и радость жизни. Именно природа, родной, знакомый до боли край заставили героя ещё острее осознать всю противоестественность войны, через которую прошел он вместе со своим народом. И на фоне природы с ещё большей очевидностью герою стало понятно, что война есть нечто противоположное живой, светлой природе, нечто ужасное, разрушающее гармонию. И природа, с которой герой вновь сблизился, позволила ему вновь ощутить счастье.

Счастье для героев рассказа «Ясным ли днем» связано с любовью, что воскрешается в их сердце, и любовь эта усиливается жела-

нием сделать счастливым того, кто дорог сердцу. Так, Паня в разговоре с мужем в ответ на его признание в любви говорит ему: «Родной ты мой, единственный! Тебе чтоб все были счастливые» [Астафьев 1997, III, 373]. Когда же слышит задушевную песню его, то понимает, что любит его «так, что скажи он ей сейчас – пойди и прими смерть, и она пошла бы, и приняла бы смерть без страха, с горьким счастьем в сердце» [Астафьев 1997, III, 374].

Часто, особенно в ранних рассказах, Астафьев показывает, что природа таит в себе силы к исцелению, возвращая героев к жизни, позволяя им вновь испытывать состояние счастья. Подобное, например, мы видим в рассказе «О чём ты плачешь, ель» (1960–1961), где представлена история дяди Петра, охотника-промысловика. После несчастного случая, который произошел с ним на лесопилке, он «явственно ощущал, как угасает в нем что-то и все ему вокруг становится неинтересным и даже надоедным» [Астафьев 1997, III, 238]. Герой почувствовал, что только возвращение в тайгу, слияние с природой может помочь ему вернуть силы и вкус к жизни. Так и случилось. Охотник-промысловик именно в тайге ощутил себя как дома. И произошло чудо: «Какая это была весна! Дядя Петр словно бы заново рождался на свет» [Астафьев 1997, III, 239]. Астафьев показал, какое счастье рождает в человеке единение с природой: «Шумела тайга, звенел от птичьих песен небосвод, дятлы весело барабанили по сухостойникам, зорьки делали охотнику побудку. Казалось охотнику – все птицы хором славили его труд и вместе с ним радовались его выздоровлению, упивались непоборимой, могучей, солнечной жизнью. <...> И не было еще в жизни ничего приятнее этого великого, слитого воедино шума тайги» [Астафьев 1997, III, 239].

В позднем же творчестве Астафьев, задумываясь о разладе отношений человека и природы, обратит внимание на все растущую тенденцию потребительского отношения к природе, что, по мнению автора, становится причиной духовной деградации человека и общества и приводит людей, выбравших такой путь, к утрате возможности обрести счастье через общение с природой; подобное описано, например, в «Царь-рыбе» (1972–1975). Для тех, кто сохранил уважительное отношение к природе, право на счастье – подлинное, гармоничное – сохранилось: «Случались счастливые часы и ночи у костра на берегу реки, <...> и все в природе обретет ту долгожданную миротворность, когда слышно лишь младенчески-чистую душу ее. В такие минуты остаешься как бы один на один с природою и с чуть

боязной тайной радостью ощутишь: можно и нужно, наконец-то, довериться всему, что есть вокруг, и незаметно для себя отмякнешь, словно лист или травинка под росой, уснешь легко, крепко и, засыпая до первого луча, до пробного птичьего перебора у летней воды, с вечера хранящей парное тепло, улыбнешься давно забытому чувству – так вот вольно было тебе, когда ты никакими еще воспоминаниями не нагрузил память, да и сам себя едва ли помнил, только чувствовал кожей мир вокруг, привыкал глазами к нему, прикреплялся к дереву жизни коротеньким стерженьком того самого листа, каким ощутил себя сейчас вот, в редкую минуту душевного покоя...» [Астафьев 1997, VI, 8–9]. Именно единение с природой, сопричастность всему живому рождает в душе человека счастье, подлинное, всеобъемлющее, сродни божественному, сказочному, потому иначе как блаженством его уже и не назвать: «Все мы, русские люди, до старости остаемся в чем-то ребятишками, вечно ждем подарков, сказочек, чего-то необыкновенного, согревающего, даже прожигающего душу, покрытую окалиной грубости, но в середине не защищенную. <...> И не ожидание ли необычного, этой вечной сказочки, не жажда ли чуда толкнули однажды моего брата в таймырскую тундру <...> Не желание же кормить комаров <...> Но дышать-то, жить, смотреть, слушать можно, и что она, эта боль от укусов, в сравнении с тем покоем и утешением сердца, которое старомодно именуется блаженством» [Астафьев 1997, VI, 54]. И такое осознанное понимание себя частью мира природы, чувство слиянности с жизнью тайги, принятие ее законов, понимание ценности коллективного духа, жизни сообща наполняют сердце человека радостью и счастьем. Именно такими предстают у Астафьева, например, Аким, его мать, артельщики на Боганиде. А дети Боганиды, несмотря на все лишения и сложности, с которыми они, как и взрослые, сталкивались, показаны поистине счастливыми людьми, ведь они черпают энергию от солнца, вбирая ее в себя, радуясь весеннему пробуждению природы, вместе с нею наполняясь силой и радостью: «Ребятишки, прозванные «касыяшками», росли вольно, без утеснений и досмотра. Самой для них большой заботой и радостью было дожить до весны, до солнца, до тепла». Рассказывая об их весеннем возвращении к жизни после суровой зимы, автор обращает внимание на целительную силу природы, с которой у детей незримая связь: «<...>. ковыляли на ослабелых ногах к высокому еще, первой, вольной водой вздутому Енисею и не умывались, а щупали его ладошка-

ми, и от живой, целительной воды начинало трепыхаться в них сердчишко, они, повизгивая, брызгались и пробовали смеяться» [Астафьев 1997, VI, 220–221].

С матерью Акима связано и такое очень важное проявление счастья, как счастье материнства, естественное, природное, чистое, истинное: «Покоем и тихим счастьем охвачено сердце матери и тело ее, ей хочется еще раз сказать «спасибо!» старшему и всем-всем, кого она знает, потрогать рукой Касьянку, дотянуться до гладких, прохладных щек всех ребятишек, прогнать с них комаров...» [Астафьев 1997, VI, 245]. В разговоре с сыном она раскрывает философию природного человека, способного в единении с природой постичь ее тайну и приобщиться к ее радости: «Весна, сыносек! Весна! Весной и птицы, и звери, и люди любят друг дружку, поют, ребенков делают» [Астафьев 1997, VI, 223]. Потому для человека, что с природой в гармоничных отношениях, весна – это праздник, это время, когда можно стать счастливым. И это состояние совершенно не зависит от материальных и иных составляющих.

Но браконьеры, жители поселка Чуш, которые в тайгу идут не за пропитанием, а за обогащением, удовлетворением страсти наживы, – среди них Командор, Грохотало, Игнатич, Дамка – вследствие выбора иной, ложной системы жизненных координат лишаются права на подлинное счастье в мире, описанном в повести «Царь-рыба».

Рассматривает природу как источник духовной и физической силы и подлинного счастья и герой рассказа Астафьева «Гемофилия» (1978). Речь идет о рыбаке, он неизлечимо болен, у него несвертываемость крови. И по идее он должен беречься всего, много времени проводить в больницах. Но герой живет рыбалкой («нет для него большей радости, чем харюзование» [Астафьев 1997, VII, 491], понимая все опасности своей болезни, он осознает, как для него дорога тайга, что только в ней он чувствует себя живым, счастливым человеком: «Ну, а что? Лучше умереть дома? В больничной палате? Нет-нет! Я уж надышусь, насмотрюсь, нарадуюсь за тот век, который мне отпущен. Пусть он недолгий век, но видел я красот, извещал радостей сколько!...» [Астафьев 1997, VII, 491]. Через историю об этом герое Астафьев заставляет своего читателя задуматься о том, что понастоящему значимо в нашей жизни, что может нас сделать поистине счастливыми людьми. И как ему кажется, это не материальные ценности, это не карьера или иные социальные успехи. Это то, что нас окружает, это то, с чем мы соприкасаемся каждый день, не всегда по-

нимая, как это прекрасно: «Утро, солнечное, бодрящее, белое, звенело примороженным листом, словно били леса в колокола, пробуждая к жизни все сущее на земле» [Астафьев 1997, VII, 494].

Одна из значимых тем, разрабатываемых В. Астафьевым – тема войны. Автор уходит от пафосности в произведениях об этих трагичных страницах судьбы русского народа, обращая внимание на катастрофический характер этого чудовищного явления человеческой жизни, подчеркивая ее противоестественный, антигуманный характер. Но, изображая человека на войне, теряющего близких, теряющего себя в этих жестоких событиях, Астафьев задумывается и о вопросе счастья, понимая, что даже в таких чудовищных, бесчеловечных обстоятельствах сила жизни дает возможность человеку обратиться мыслями и даже прикоснуться к счастью.

Подобное, например, мы видим в повести «Пастух и пастушка» (1967–1971–1989), определяемой автором как современная пастораль. В этом произведении автор намеренно сталкивает сентиментальные проявления (пастораль, идиллические элементы, образы пастуха и пастушки, история любви) и почти натуралистические картины в изображении грубого, жестокого быта войны [Прокопенко 2009a], [Прокопенко 2009b], [Хрящева 1987]. Осколком счастья и одновременно своеобразным маяком счастья для героев повести, в особенности для Бориса Костяева, командира взвода пехоты, становится любовь. Астафьев показывает, что даже на войне – в этом аду, описанном в повести почти натуралистично («На поле, в ложках, в воронках, особенно возле изувеченных деревцев лежали убитые, изрубленные, подавленные гусеницами немцы. Попадались еще и живые, изо рта их шел пар. Они хватались за ноги, ползли следом по снегу, истолченному, опятнанному кровью» [Астафьев 1997, III, 58]), – человек оказывается способен на чувство, что сохраняет в нем человека и дает ему силы верить в торжество жизни, рождает в его душе и сердце счастье – речь идет о любви. Но любовь на войне – это чувство, в котором счастье переплетено со страданием. Так, замполит, размышляя о лейтенанте Борисе Костяеве, испытывает двойственные чувства, «жалая лейтенанта и радуясь, что не выбило из человека человеческое» [Астафьев 1997, III, 113], понимая, что герой влюбился: «Успел вот когда-то втюриться, мучается, тоскует, счастья своего хочет» [Астафьев 1997, III, 113].

Одна из страшных и ключевых сцен повести, в которой соединяется ощущение ужаса, катастрофы и человеческой трагедии с по-

ниманием чего-то запредельно важного, вечного, почти божественного, соотносимого с миром идеальной, практически пасторальной любви, – описание убитых старика и старухи, даже в свой последний смертный час проявивших заботу друг о друге и продемонстрировавших нерасторжимую связь друг с другом. Борис Костяев, попав вместе со своим взводом в освобожденный хутор, видит страшную картину: убитых двоих стариков, пасших колхозный табун: «Они лежали, прикрывая друг друга. Старуха спрятала лицо под мышку старику. <...> Попробовали разнять руки пастуха и пастушки, да не могли и решили – так тому и быть. Положили их головами на восход, закрыли горестные потухшие лица» [Астафьев 1997, III, 25].

Картина эта станет и для Бориса Костяева, и для автора, с одной стороны, символом бесчеловечности войны, не щадившей ни детей, ни стариков, а с другой стороны, – символом любви, дарующей человеку даже в условиях катастрофического бытия возможность познать счастье. Вспомнит об этих убитых герои в единственную ночь, когда сблизится со своей возлюбленной Люсей, а вместе с ними вспомнится ему счастливый эпизод из мирного времени, из его детства, когда он с матерью оказался в Москве в театре: «Я почему-то услышал сейчас ту музыку, и как танцевали двое – он и она, пастух и пастушка. Они любили друг друга, не стыдились любви и не боялись за нее. В доверчивости они были беззащитны. Беззащитные недоступны злу – казалось мне прежде...» [Астафьев 1997, III, 88].

Герои, наслаждаясь любовью и тем счастьем, что вдруг снизошло на них, остро ощущают его хрупкость, мимолетность, страшные реалии жестокой войны вырывают их из счастливого блаженства и заставляют вернуться к жестокой действительности. Так, в момент страсти Люся, будто желая остановить это прекрасное счастливое мгновение, восклицает: «Умереть бы сейчас!» [Астафьев 1997, III, 86]. Фраза эта производит на Бориса отрезвляющее впечатление: «И в нем сразу что-то оборвалось. В памяти отчетливо возникли старик и старуха, седой генерал на снопах кукурузы, обгоревший водитель «катюши», убитые лошади, одичалая собака, раздавленные танками люди – мертвецы, мертвецы» [Астафьев 1997, III, 86]. И тем не менее для героя любовь, родившаяся в его сердце, становится надеждой на счастье, на мирную жизнь. Потому он начинает в диалоге с любимой рисовать картины будущего, где не будет войны, где они обязательно должны будут стать счастливыми: «...бормотал, как косач-токовик, всякую ерунду про верную любовь, про счастье, про

48

вечность» [Астафьев 1997, III, 101]. Люся, верящая ему, готовая представить и принять описанные им картины, не верит жестокой войне, осознавая, что описанное Борисом вряд ли возможно: «Я сама примчусь на вокзал. Нарву большой букет роз. Белых. Снежных. Надену новое платье. Белое. Снежное. Будет музыка. Будет много цветов. Будет много народу. Будут все счастливые... – Люся прервалась и чуть слышно выдохнула: – Ничего этого не будет» [Астафьев 1997, III, 101]. И предчувствие Люси, к сожалению, оказалась верным. Герой Астафьева умирает.

Удивительно то, что, когда тяжело раненый Борис оказался в санитарном поезде, ему открылась тайна внутренней силы многих окружающих людей, в том числе таких же раненых, едущих с ним в этом поезде, и заключалась она в единении с природой, в способности пройти через эмоциональное и духовное воскресение. Так, лежащий рядом с ним «худющий пожилой дядька», весь перемотанный бинтами, заходился от счастья, когда вспоминал привычное крестьянское дело, землю, что его кормила: «Батюшки, тра-авка! А земля-то, земля! В чаду вся! Преет. Гриб в назьме завелся. Хорошо!.. Ой, пигалица, пигалица! Летат, вертухается! Батюшки! И грач, и грач! По борозде шкандыбают, черва ишшет, да сурьезный такой...» [Астафьев 1997, III, 133]. И размышления о войне, о жизни, наблюдения за такими людьми заставляют Бориса Костяева прийти к пониманию важного закона бытия: «Зачем все это? Для чего? Ну что он, вот этот мужичонка, радующийся воскресению своему? Какое уж такое счастье ждет его? Будет вечно копать в земле, а жить впроголодь, однажды сунется носом в эту же землю. Но, может, в самом воскресении есть уже счастье? Может, дорога к нему, надежда на лучшее – и есть то, что дает силу таким вот мужикам, миллионам таких мужиков». Но, постигнув эту тайну, соотносить с собой герой её не смог: слишком душа его истрадалась, слишком глубока была печаль, потому сил для жизни у героя не нашлось. Как отмечают многие исследователи творчества Астафьева, Борис Костяев «умирает от усталости на войне <...> во всех чувствах героя, в размышляющем голосе его «души» звучит мотив надорванности, невыносимой ноши» [Якименко 1973, 249], герой «... на войне душевно истрачивается. Он истрачивается от крови и смертей, от постоянного лицемерия разрушения, от хаоса, который творят люди» [Лейдерман 2001, 238]. Именно на такой вариант объяснения ухода из жизни героя, открывшего тайну силы, увидевшего путь, ведущий к сча-

стью, указывает и сам автор в комментариях к повести: «Я после войны лет пять или семь не реагировал на смерть, закапывал людей, как поленья. <...> Жизнь дала мне много «смертного» материала, начиная от детского потрясения – смерти матери. <...> Привычен! Какая проклятая сила, чья страшная воля прививает человеку такие вот «привычки»?! Так вот и мой Борис Костяев не влез в эту привычку, не вынес страсти этакой...» [Астафьев 1997, VIII, 242].

Люся через годы, пережив войну, будет помнить многое и многих, но светом счастья для нее останется воспоминание о нем, возлюбленном, память о котором и любовь к которому она хранила все годы; став седой женщиной «с уже отцветающими древними глазами» [Астафьев 1997, III, 139], она наконец найдет его могилу и вместе с нею обретет надежду снова встретиться с тем, с кем была счастлива: «Спи! Я пойду. Но я вернусь к тебе. Скоро. Совсем скоро мы будем вместе... Там уж никто не в силах разлучить нас» [Астафьев 1997, III, 140].

О важности любви на войне, о связи этого чувства с миром счастья размышляет автор и в другой своей повести – «Жизнь прожить», созвучной своими пасторальными мотивами с произведением «Пастух и пастушка».

Повесть «Жизнь прожить», по сути дела, можно рассматривать как своеобразное продолжение пасторальной повести «Пастух и пастушка»: фундаментом одного и другого произведения становятся рассмотренные во втором из них мотивы и пасторальные образы. Однако раскрыты они в ином временном ключе и несколько иной идейной плоскости. Как подчеркивает Н.Л. Лейдерман, «эпическая монументальность здесь сохранилась <...> однако эпического величания героя и его судьбы совсем нет. Ибо само содержание понятия «лад» открывается вовсе не с идиллической стороны» [Лейдерман 2005, 329]¹. Как отмечают исследователи, «Жизнь прожить» – «это история жизни со всеми ее горестями и радостями простого русского человека Ивана Тихоновича Заплата. Жизнь... на фоне общенародной истории типичная...» [Романюк 2004, 96], это история человека, прошедшего через все испытания трагической эпохи. О типичности и обобщенности тех образов и ситуаций, что представлены в

---

¹ См. также: [Бедрикова 1995], [Березина 1988], [Романюк 2004].

произведении Астафьева, размышляют многие исследователи [Бедрикова 1995; Бедрикова 2000; Березина 1988; Лейдерман 2001].

Вопрос о счастье – один из важнейших и в повести «Так хочется жить» (1994–1995). И так же, как и в «Пастухе и пастушке», основой счастья и центральным героям, и автору видится любовь. «История любви» соотнесена здесь с проявлением «сокровенной сущности бытия» [Прокопенко 2009а, 329]. Но чувство это представлено много шире, объемнее того, чем оно описано в пасторальной повести. Это и безусловная любовь к природе, родному краю, что дарит силы, тянет к себе героя. Так, Иван Заплатин с упоением и замиранием души вспоминал красоты Изагаша, богатого реками, рыбой, «пушным и рогатым зверем», сравнивал цветущие острова Енисея (называя его «Анисеем») с рождественскими пирогами («зацветут, бывало, берега, особо острова, дак чисто пироги рождественские, сдобные, зарумяненные, все в зажженных свечах» [Астафьев 1997, IX, 282]), что говорит о том, что он в своем сознании отождествлял родной край с райским обетованным миром. Любовь, безусловно, в этой повести связана и с отношениями мужчины и женщины. Доказывается это на примере отношений Ивана Тихоновича Заплатина и его жены Татьяны Финогеновны. Перед войной было одно свидание Ваньки и Таньки (так представлены в повести эти герои), на котором возлюбленная отказала в поцелуе герою: «Ладно, Вань, не сердчай. Когда вернёшься, тогда и поцелуемся...» [Астафьев 1997, IX, 289]. Но именно воспоминание о нем, об этой девушке в белых носочках и голубой косыночке стало своеобразным маяком и источником силы и счастья для героя, именно оно возвращало его к жизни «на войне, в преисподней той земной, на краю гибели» [Астафьев 1997, IX, 293]. Основа рассказа – история любви Заплатиных, с нее все начинается, ею и заканчивается. Любовь эта наполняет сердца любящих счастьем, а мир – ладом: «Ванька с Танькой, точнее сказать, Иван Тихонович и Татьяна Финогеновна Заплатины, вечерами любили посидеть на скамейке возле своего дома. И хорошо у них это получалось, сидеть-то на скамейке-то, уютно получалось» [Астафьев 1997, IX, 274]. Описывая их тихое, почти идиллическое семейное счастье, автор обращает внимание на то, что, с одной стороны, они не выставляли его напоказ, но, с другой стороны, герои щедро счастьем-радостью делились со своими близким. Герои открыты и приветливы, к ним тянутся люди. Даже нахождение рядом с их счастьем наполняет и других светом и радостью: «Редкий вечер бывали За-

платины на скамейке одни. Все к ним кто-нибудь да лепился, грелся возле них. И насмешливо шурила узкие глаза, совсем их в щелки топила от удовольствия общения с людьми» [Астафьев 1997, IX, 277]. Счастье, когда оно не эфемерно, когда оно выстрадано, оказывается сильнее любых, даже страшных испытаний. Иван Тихонович Заплатин тяжело переносит боль утраты, потерю своей любимой жены, но любовь и счастье по-прежнему есть в его жизни – они сконцентрировались в его внучке. К ней Иван Тихонович испытывает всепоглощающую любовь, его сердце заходится от радости и счастья, когда он видит внучку и общается с ней. Клавочка рождает в герое понимание того, что, несмотря на утрату, на духовное и эмоциональное опустошение после смерти жены, жизнь продолжается, остается в ней место и любви, и счастью.

Совсем с иных позиций подходит Астафьев к осмыслению значимых для себя вопросов в повести «Так хочется жить» (1994–1995). Хотя во всех рассмотренных нами произведениях автор-фронтовик описывает войну как нечто чудовищное, бесчеловечное, акценты в них он расставляет совершенно по-разному. Если в «Пастухе и пастушке» и «Жизнь прожить», говоря о человеке на войне, Астафьев говорит о величии подвига, в фокусе внимания автора оказывается личность, сохраняющая в себе в жестоких условиях войны человечность, проявляющая подлинный героизм, способность на самопожертвование, то в повести «Так хочется жить» автор позволяет нам увидеть обратную сторону жизни на войне, он показывает, что здесь есть место не только подвигу, но и человеческой подлости, низости, мелочности...

Проблема счастья и в этой повести – одна из основополагающих. Главного героя часто занимает мысль о «человеческое счастье, о котором всю дорогу так хлопочет род людской и сулит его советская власть» [Астафьев 1997, XI, 147]. Но в основе произведения – повествование не столько об идиллии и душевном ладе, сколько об утрате этой идилличности, описание ситуаций разлада. Вопрос о счастье исследуется писателем не только в проекции связи героя с другими людьми, счастье рассматривается и в контексте установок тоталитарной системы, подавляющей человека, подчиняющей его мнению большинства, точнее, интересам государства, которое воспринимает отдельного человека лишь как винтик общей системы. Такое счастье автору кажется несостоятельным, обманным: «разве

возможно блаженство там, где есть люди, исчадья эти, советские охломоны, везде со своими уставами, правилами, указаниями – жить, как велено, но не так, как твоей душеньке хочется» [Астафьев 1997, XI, 172].

Главный герой повести – Коляша Хахалин – чем-то похож на некое сказочного простачка, своего рода Ивана-дурачка. Астафьев, создавая образ этого героя, следовал мировым традициям смеховой культуры, о которых размышляли в своих исследованиях М.М. Бахтин [Бахтин 2015], А. Бергсон [Бергсон 1992], Д.С. Лихачев, А.М. Панченко и Н.В. Понырко [Лихачев 1984], Н.С. Выгон [Выгон 2000]. Под этой «маской» простака герой скрывает истинное отношение к жизни, понимание её трагизма, а порой и бессмысленности. Именно этот герой своим нутром ощущает ложность тех представлений, включая понимание счастья, что навязываются человеку государственной, общественной системой. Именно этот герой, сохраняющий внутреннюю независимость, способен прочувствовать, в чем же подлинное счастье человека, осознать, что представления о счастье отдельной личности и формулы счастья, что озвучиваются и продвигаются в массы тоталитарной системой, совершенно различны. Понимание этого приводит Коляшу Хахалина к конфликтам на разных этапах его жизни: и в юности, и в период подготовки к фронту, и на войне, и послевоенное время.

Категория счастья, что формируется тоталитарной системой и навязывается своему народу, связана с внушаемой обществу мыслью: есть нечто, к чему нужно стремиться, что всех сделает радостными и счастливыми: «эти (большевики – С.Р.) всегда знали на все ответы, и путь в светлое будущее всегда был им ясен: перемоги себя, растопчи ближнего своего, наступи сапогом на хрустящую его грудь и спокойно, гордо следуй дальше – великая цель всеобщего счастья человечества оправдывает любые средства, любые жертвы...» [Астафьев 1997, XI, 8]. Автор вместе со своим героем горько иронизирует и сомневается в возможности такого счастья, ведь власть имущие, с кем сталкивался Коляша, не отличались ни интеллектом, ни готовностью служить общему благу: «Как же без обмана, без жульничества, без надувалки жить? Это же не Страна Советов получится, совсем какое-то другое государство получится, с отсталыми идеологиями, прогнившей системой и дикой эксплуатацией человека человеком. У нас вон как все весело делается! У нас уж если человеки человека не обидят, так хоть

насмешат» [Астафьев 1997, XI, 39]. Горечь (и у Хахалина, и у автора) рождается и от осознания того факта, сколькими людьми и с какой легкостью возглавляющие эту тоталитарную систему готовы пожертвовать ради достижения декларируемого мифического счастья советского человека: «миллионов десять-двенадцать рабочего скота придется пустить «под жернова», зато уж остальной народ достигнет наконец блаженных берегов с надписью: «Светлое будущее» [Астафьев 1997, XI, 180].

Различие личного счастья и того, что проповедуется тоталитарной системой, боящейся подрыва своих устоев, потому лишаящей человека независимости, ярче всего проявляется в день победы. Радостная весть о конце войны пришла рано утром, когда Коляша стоял на посту. Сообщил ему об этом человек, переполненный эмоциями, которые его будто изнутри разрывали: «Победа! Победа-а! Победа, раствою мать!.. Да что ж вы, курвы, спите? Победа ж! — и пальнул в небо одновременно из ракетницы и из автомата» [Астафьев 1997, XI, 69]. Его слова и действия запускают реакцию безумной радости и опьяняющего счастья солдат, осознающих, что ужас войны остается в прошлом, а впереди иная жизнь. Вслед за этим гонцом, принесшим столь долгожданную весть, «Коляша Хахалин, плача от счастья и от самогонки, солидарно со всеми жахнул из винтаря. Всю обойму! И весь город застрелял» [Астафьев 1997, XI, 69]. Весь город радовался, сходили с ума от счастья солдаты, но вот полковое начальство, начиная со старшины Худоборова, «испугалось, и за трусость свою, малодушие искало, кого наказать» [Астафьев 1997, XI, 69]. Виноватым признан был постовой Хахалин, за растрату боезапаса отправлен был на гаупвахту.

Близость этой повести к другим произведениям о войне и в том, что на фоне бесчеловечности, аморальности войны, показанной в жестко натуралистичных сценах, демонстрирующих страшную окопную правду, автор даёт возможность читателю понять одну непреложную истину: человеческое в человеке в этих страшных условиях способна сохранить только любовь, только она может подарить человеку надежду на счастье и даже само счастье.

Но максимально развернуто и глубоко свои размышления о счастье как явлении человеческой жизни В. Астафьев раскрывает в одном из поздних своих произведений, в одном из текстов («Счастье» из «Тетради шестой» — «Последняя народная симфо-

ния)), вошедших в его «Затеси», сборник произведений малой прозы, которые многие исследователи определяют как лирико-философские миниатюры².

Символично само название цикла, оно не только о насечках на деревьях, оставляющих след, не дающих потеряться в огромном лесу, это и о заметах на «стволах жизни», формирующих некую карту бытия, карту воспоминаний. Как признавался сам автор: «Название таежных мет врубилось в мою память так прочно и так надолго, что по сию пору, когда вспомню поход «по метам», у меня сердце начинает работать с перебоями, биться судорожно» [Астафьев 1997, VII, 8]. В «Затесях» автор знакомит нас со своими переживаниями, воспоминаниями, ощущениями, размышлениями, что выводят на понимание важнейших вопросов бытия, один из которых – о счастье.

Как и в других произведениях, разговор о счастье неминуемо выходит и на размышление о несчастье, страдании, горе. Счастье для русского человека, так уж сложилось, оказывается или выстраданным, или с несчастьем «повенчанным». Миниатюра начинается с описания заполярной зимы, в котором сразу обнаруживается астафьевское видение счастья, почти всегда идущего рядом со страданием: «Если вы не бывали под заполярной вьюгой глухой северной зимою, считайте, что и горя не ведали» [Астафьев 1997, VII, 415], а вслед за этим звучит мысль, создающая иную картину и передающая иное настроение: «Блажен, кто в этакую пору сидит под крышей у жарко натопленной печи и, попивая чаек, ведет неторопливые беседы» [Астафьев 1997, VII, 415].

По сути, уже в начале миниатюры автор закладывает алгоритм обретения счастья, которое рядом, которое в мелочах, например, в том, чтобы холодной зимой оказаться в тепле. Даже сами предложения, использованные автором, – придаточные – намекают на наличие этой причинно-следственной связи, позволяющей сделать так, чтобы из мира несчастья оказаться в пространстве счастья... Но герою такого счастья недостаточно. Его влечет подлинное счастье, касающееся не телесного, материального мира, связанное с духовным, вечным, возвышенно-прекрасным. Для автора символом и воплощением такого счастья становится фильм «Большой вальс», на который он мальчишкой мечтал попасть, и по счастливому стечению

---

² См.: [Стадниченко 2017], [Хрящева 1987], [Лобарева 2013].

обстоятельств ему это удалось сделать. Этот фильм навсегда запечатлелся в душе мальчика, наполнив ее бесконечным счастьем и светом. Как и в других произведениях, например, в повести «Так хочется жить», Астафьев вновь обращается к противопоставлению стремлений личности и пропаганды государства, выявляя диссонирующее несоответствие одного и другого, в том числе того, что касается вопроса о счастье: «Но если люди устали от бурной деятельности, отупели от речей и маршей, от ежеутренней «молитвы», исполняемой по радио Марком Осиповичем Рейзенем: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...» Если мороз, пурга, круговерть снежная, зима бесконечная, отторженность от земли обетованной <...> Так вот, если в такую среду, в такую глушь врывается искусство, подобное фильму «Большой вальс», оно становится не просто лучом в темном царстве, но и глотком живительного воздуха» [Астафьев 1997, VII, 417–418].

Состояние счастья сродни потрясению, когда вдруг исполняется сокровенное желание, душа преображается, наполняясь умилением. В разговоре о счастье автор сталкивает две картины мира – государственную и личностную. И разница проявляется на всех уровнях, в том числе и в мире искусства. Государственная модель соотносится с миром марша, браваурной музыки, барабанным ритмом, государство поддерживает «плакатное, крикливое, судорожное искусство „новой эры“» [Астафьев 1997, VII, 418], мечты же личности о счастье связаны с нежной мелодией, с историей любви, красивыми человеческими отношениями. Счастье врывается в мир автора-детдомовца фильмом режиссера Жюльена Дювивье, посвященным Иоганну Штраусу. Жестокая и в природном, и социальном отношении жизнь вдруг отодвигается, и все в мире мальчика заполняют собой образы и герои «Большого вальса»: «Сказки венского леса», Карла Доннер в широкополой шляпе и роскошный Шани, красота иной природы, дивная музыка, объединяющая любящие сердца... Все это ассоциируется с землей обетованной.

Казалось бы, увиденное в картине должно было сформировать мечты о подобном счастье для себя, мечты о будущем. Но на протяжении описанных в миниатюре событий автор испытывает счастье, только обращаясь воспоминанием к этому фильму, ни разу не предприняв попыток соотнести увиденное со своей жизнью. Спустя годы судьба привела героя в Сараево, он оказался на той самой алее, по которой двигались в знаковом для него фильме его любимые герои,

у него появилась возможность проехать в кибитке по этой дороге, услышав звуки любимой музыки. Но суета, утрата того удивительного, почти сакрального ощущения, когда ты наедине со своим счастьем, не позволили уже повзрослевшему автору насладиться моментом, почувствовать себя счастливым сейчас, а не тогда. Астафьев обращает внимание на то, что в юности счастье было испытано им в момент настоящий, когда он замороженно наблюдал за экранной жизнью героев иностранного фильма, кроме того, счастье связывалось в его юношеском сознании и с будущим, о котором он мечтал. Но проходят годы, и счастье для Астафьева начинает соотноситься только с прошлым, с воспоминанием. И возникает ощущение, что счастье – сон, «тихий, бережно хранимый сон о счастье, который для него так и остался сном» [Геймбух 2019, 65].

Исследование творчества В. Астафьева позволяет прийти к выводу, что, по мнению этого автора, быть счастливым – это значит жить в гармонии с природой, с собой, своей совестью, это значит быть способным на любовь, а соответственно быть готовым подарить свое сердце и заботу другому человеку, будь это мать, любимая, жена, ребенок, внучка или внук... Счастье – это способность разделить свою радость с близкими, уберечь их от невзгод, открыть в себе и других красоту и вместе с любящим и любимым ею наслаждаться. Счастье, по мысли В. Астафьева, – это когда в страданье ты думаешь не о муках и горе, а о том, что ждет впереди, когда в краткие моменты «просвета» ты способен увидеть красоту мира, природы, всего живого и наслаждаться этим, когда сохраняешь в себе способность удивляться и верить в чудо. Счастье – уберечь в себе человека, уважающего себя, знающего свое прошлое, ценящего свой род, бережно относящего к природе. Счастье – это чувствовать себя частью этой живой жизни.

Источники

Астафьев 1997 – Астафьев В.П. *Собрание сочинений*: в 15 т. Красноярск, 1997.

Даль 1882 – Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. Т. 4. СПб.; М., 1882. Т. 4.

Литература

Абрамзон 2015а – Абрамзон Т.Е. *К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века)* // Libri Magistri. 2015. Вып. 1. С. 117–125.

Абрамзон 2015b – Абрамзон Т.Е. *О «забавной» Фортуне в русской поэзии XVIII века* // Юмор и сатира в координатах XXI века. Сб. науч. ст. по мат-лам I Междунар. научно-практ. конф. Варна, 2015. С. 5–9.

Абрамзон 2018 – Абрамзон Т.Е., Рудакова С.В. *Концепция счастья в лирике Е. А. Боратынского* // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2018. № 4 (16). С. 1–5.

Бахтин 2015 – Бахтин М.М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. М., 2015.

Бедрикова 2000 – Бедрикова М.Л. *Особенности «традиционной» русской прозы 1980-1990-х годов (проза В. Астафьева и В. Распутина)* // Проблемы истории, филологии, культуры. 2000. № 9. С. 343–348.

Бедрикова 1995 – Бедрикова М.Л. *Художественное осмысление темы Великой Отечественной войны и судьбы человека в рассказе В. Астафьева «Жизнь прожить»* // Великая Отечественная война и современный историко-культурный процесс. Магнитогорск, 1995. С. 51–55.

Белая 1979 – Белая Г. *Вечное и преходящее. Человек и природа в интерпретации современной прозы* // Литературное обозрение. 1979. № 2. С. 11–16.

Бергсон 1992 – Бергсон А. Смех. М., 1992.

Березина 1988 – Березина С. *«Добреньким быть уже не могу...»: сатира и юмор в рассказе «Жизнь прожить»* // Русская речь. 1988. № 1. С. 23–30.

Выгон 2000 – Выгон Н.С. *Юмористическое мироощущение в русской прозе: проблемы генезиса и поэтики*. М., 2000.

Геймбух 2019 – Геймбух Е.Ю. *Лексико-семантическое поле «счастье» в композиционно-речевой структуре одноименной миниатюры В.П. Астафьева* // Русский язык в школе. 2019. Т. 80. № 2. С. 2–66.

Ибатуллина 2020 – Ибатуллина Г.М., Мишина Г.В., Радь Э.А., Старицына Ю.А. *Фелицитарный метасюжет в русской литературе XIX века* // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 4. С. 91–115.

Лейдерман 2001 – Лейдерман Н. *Крик сердца (творческий облик В. Астафьева)* // Урал. 2001. № 10. С. 225–245.

Лейдерман 2005 – Лейдерман Н.Л. *С веком наравне. Русская литературная классика в советскую эпоху*. СПб, 2005.

Лихачев 1984 – Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. *Смех в Древней Руси*. Ленинград, 1984.

Лобарева 2013 – Лобарева В.С., Заяц Е.С. *«Поэтика малой прозы» В.П. Астафьева* // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. статей. Красноярск: Изд-во Сибирск. фед. ун-та, 2013. Т. 4. № 4. С. 190–195.

Петров 2021 – Петров А.В. *«Державинский миф» и образ богини Фортуны в биографической новелле-фантазмагории «В Москве на Масленой П.Г. Антокольского»* // Libri Magistri. 2021. № 1 (15). С. 120–147.

Петров 2020a – Петров А.В. *«Я помню чудное мгновенье...» А.С. Пушкина: полнота бытия, или отказ от счастья* // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 93–105.

Петров 2020b – Петров А.В. *Феноменология «русского счастья» в трудах Т.Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков* // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 37–48.

Прокопенко 2009a – Прокопенко Н.М. *Функция пасторальной топики в рассказе В. Астафьева «Жизнь прожить»* // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 31–34.

Прокопенко 2009b – Прокопенко Н.М., Хрящева Н.П. *«Жизнь прожить» В. Астафьева: поэтика малой «монументальной» формы* // Русская литература XX–XI веков: направления и течения. 2009. № 11. С. 79–92.

Романюк 2004 – Романюк А.Б. *Художественные приемы языковой композиции рассказа В. Астафьева «Жизнь прожить...»* // Филологические науки. 2004. № 3. С. 95–105.

Рудакова 2020a – Рудакова С.В. *К вопросу изучения феномена счастья* // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 49–75.

Рудакова 2020b – *К вопросу о своеобразии представлений А.С. Пушкина о счастье в его ранней лирике* // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 106–118.

Рудакова 2021 – Рудакова С.В. *Математические формулы выверенного счастья, утрата свободы как основа «гармонии» нового мира (на материале произведений Е. Замятина)* // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2021. Т. 12. № 2. С. 84–86.

Сидоренко 2006 – Сидоренко И.В. *Антропология счастья*. М., 2006.

Стадниченко 2017 – Стадниченко В.А., Хрящева Н.П. *«Затеси» В.П. Астафьева: лирико-философские миниатюры в системе малых форм «Первой тетради»* // Филологический класс. 2017. № 2 (48). С. 100–103.

Татаркевич 1981 – Татаркевич В. *О счастье и совершенстве человека*. М., 1981.

Хрящева 1987 – Хрящева Н. *«Пастух и пастушка» В. Астафьева. Толстовские традиции и русская воинская повесть* // Поэтика русской советской прозы. Уфа, 1987. С. 112–127.

Цуркан 2020a – Цуркан В.В. *Миф о счастье в русской литературе 1930-х гг.* // Libri Magistri. 2020. № 4 (14). С. 119–127.

Цуркан 2020b – Цуркан В.В., Зайцева, Т.Б. *Концепт счастье в поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 10. С. 70–74.

Якименко 1973 – Якименко Л. *Литературная критика и современная повесть* // Новый мир. 1973. № 1. С. 238–250.

Abramzon 2015 – Abramzon T. *Philosophy of happiness in eighteenth-century Russia* // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2015. Sofia, 2015. С. 645–652.

THE CONCEPT OF HAPPINESS IN V. ASTAFIEV'S PROSE: 'THE ETHICS OF REVERENCE FOR LIFE'

© **Rudakova Svetlana Viktorovna** (2022), SPIN-код: 6878-5751, AuthorID: 423188, Researcher ID: G-2875-2018, Scopus Author ID: ORCID: 0000-0001-8378-061X, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Linguistics and Literary Studies, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Av. Lenina, 38, Magnitogorsk, Russia, 455000), rudakovamasu@mail.ru

The article focuses on the analysis of the phenomenon of happiness in V. Astafyev's work, one of the brightest representatives of rural prose and continuer of the traditions of Russian classics. The connection of Astafyev's concept of happiness with his idea of life, with his moral and philosophical convictions is revealed. The closeness of the writer's position to the views of A. Schweitzer, who states that reverence for life must become the basis of ethics, and it must define human relations not only to people but also to all living beings. Happiness for Astafyev's characters is associated with joining something important, interacting with someone or something important for the common good, often happiness goes together with misfortune, suffering, grief. For Astafyev's favourite characters, happiness lies in unity with nature. On the contrary, a breakdown in their relationship with nature leads to unhappiness. Happiness for Astafyev's characters is in love, which, born in the heart, transforms a person's life and increases from the desire to make the other – the loved one - happier. Happiness for Astafyev's characters is connected not with egoistic desires, but with the readiness to give and create something beautiful for their near and dear ones. Astafyev reflects on the importance and significance of love even in war, on the connection of this state with the world of happiness in *The Shepherd and the Shepherdess*, in the novels *Life to Your Live* and *So I Want to Live*. The author also considers the concept of happiness, imposed by a totalitarian system and opposed to individual ideas of happiness. The work also offers an analysis of the miniature *Happiness*.

Keywords: V. Astafyev's prose, happiness, A. Schweitzer's ethics, nature, love, dream, war, art, harmony.

References

(Articles from Scientific Journals)

Абрамзон 2015b – Abramzon T.V. K voprosu o russkom schast'ye (poeziya XVIII veka) [To the question of the Russian happiness (eighteenth-century poetry)] // Libri Magistri, 2015, № 1. pp. 117–125. (In Russian).

Абрамзон 2018 – Abramzon T.V., Rudakova S.V. koncepcija schast'ja v lirike E. A. Boratynskogo [The concept of Happiness in Boratinsky's lyrics] // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo, 2018, № 4 (16), pp. 1–5. (In Russian).

Бедрикова 2000 – Bedrikova M.L. Osobennosti «tradicionnoj» russkoj prozy 1980-1990-h godov (proza V. Astaf'eva i V. Rasputina) [Features of the "traditional" Russian prose of 1980-1990s (the prose of V. Astafiev and V. Rasputin)] // Problemy istorii, filologii, kultury [Problems of History, Philology, and Culture.], 2000, № 9, pp. 343–348. (In Russian).

Белая 1979 – Belaja G. Vechnoe i prehodjashhee. Chelovek i priroda v interpretacii sovremennoj prozy [The Eternal and the Transient. Man and Nature in the Interpretation of Modern Prose] // Literaturnoe obozrenie [Literary Review], 1979, № 2, pp. 11–16. (In Russian).

Беззина 1988 – Berezina S. «Dobren'kim byt' uzhe ne mogu...»: satira i jumor v rasskaze «Zhizn' prozhit'» ["I can't be kind any more...": satire and humor in the story Life to Live] // Russkaya Rech [Russian speech], 1988, № 1, pp. 23–30. (In Russian).

Геймбух 2019 – Gejmbuh E.Ju. Leksiko-semanticheskoe pole «schast'e» v kompozicionno-rechevoj strukture odnoimennoj miniatjury V.P. Astaf'eva [Lexical-Semantic Field "Happiness" in the Composition-Speech Structure of the Miniature of the Same Name by V.P. Astafiev (for the 95th Birth Anniversary)] // Russkij jazyk v shkole [Russian Language at School], 2019, vol. 80, № 2. pp. 2–66. (In Russian).

Ибатуллина 2020 – Ibatullina G.M., Mishina G.V., Rad' Je.A., Staricyna Ju.A. Felicitar'nyj metasjuzhet v russkoj literature XIX veka [Felicitary Meta-Plot in the XIX Century Russian Literature] // Sovremennye issledovanija social'nyh problem [Contemporary Studies of Social Problems], 2020, vol. 12, № 4, pp. 91–115. (In Russian).

Лейдерман 2001 – Lejderman N. Krik serdca (tvorcheskij oblik V. Astaf'eva) [The Cry of the Heart (Creative Face of V. Astafyev)] // Ural. 2001, № 10, pp. 225–245. (In Russian).

Лобарева 2013 – Lobareva V.S., Zajac E.S. «Pojetika maloj prozy» V.P. Astaf'eva [Poetics of Small Prose by V.P. Astafiev] // Chelovek i jazyk v komunikativnom prostranstve: sb. nauch. statej [Man and Language in the Communicative Space: Collection of Scientific Articles]. Krasnojarsk: Izd-vo Sibirsk. fed. un-ta, 2013. T. 4. № 4, pp. 190–195. (In Russian).

Петров 2020a – Petrov A.V. 'Ya pomnyu chudnoye mgnoven'ye...' A.S. Pushkina: polnota bytiya, ili otkaz ot schast'ya ['A wondrous moment i remember...' by A.S. Pushkin: completeness of existence as refusal of happiness] // Libri Magistri, 2020, № 4 (14), pp. 93–105. (In Russian).

Петров 2020b – Petrov A.V. Fenomenologiya 'russkogo schast'ya' v trudakh T.E. Abramzon i magnitogorskoy filologicheskoy shkoly po izucheniyu russkoj

poezii XVIII–XIX vekov [Phenomenology of 'Russian happiness' in the works of T. E. Abramzon and Magnitogorsk philological school of studying Russian poetry of the 18th–19th centuries] // Libri Magistri, 2020, № 3 (13), pp. 37–48. (In Russian).

Прокопенко 2009a – Prokopenko 2009a – Prokopenko N.M. Funkcija pastoral'noj topiki v rasskaze V. Astaf'eva 'Zhizn' prozhit' [The Function of the Pastoral Topic in the Story "Life is Lived" by V. Astafyev] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University], 2009, № 328, pp. 31–34. (In Russian).

Прокопенко 2009b – Prokopenko 2009b – Prokopenko N.M., Hrjashheva N.P. 'Zhizn' prozhit' V. Astaf'eva: pojetika maloj 'monumental'noj' formy [Life to Live by V. Astafyev: poetics of small "monumental" form] // Russkaja literatura XX–XXI vekov: napravlenija i techenija [Russian Literature of XX–XXI Centuries: trends and currents], 2009, № 11, pp. 79–92. (In Russian).

Романюк 2004 – Romanjuk A.B. Hudozhestvennye priemy jazykovoj kompozicii rasskaza V. Astaf'eva 'Zhizn' prozhit' [Artistic methods of language composition in Astafyev's story "Life to Live..."] // Filologicheskie nauki [Philological Sciences], 2004, № 3, pp. 95–105. (In Russian).

Рудакова 2020b – Rudakova S.V. K voprosu izucheniya fenomena schast'ya [On studying the phenomenon of happiness] // Libri Magistri, 2020, № 3 (13), pp. 49–75. (In Russian).

Рудакова 2020c – Rudakova S.V. K voprosu o svoeobrazii predstavlenij A.S. Pushkina o schast'ye v ego rannej lirike [The peculiarity of A. S. Pushkin's ideas of happiness in his early lyrics] // Libri Magistri, 2020, № 4 (14), pp. 106–118. (In Russian).

Рудакова 2021 – Rudakova S.V. Matematicheskie formuly vyverennogo schast'ja, utrata svobody kak osnova «garmonii» novogo mira (na materiale proizvedenij E. Zamjatina) [Mathematical formulas of verified happiness, the loss of freedom as the basis of the "harmony" of the new world (on the material of t E. Zamjatin's works)] // Aktual'nye problemy sovremennoj nauki, tehniki i obrazovanija [Actual problems of modern science, technology and education], 2021, vol. 12, № 2, pp. 84–86. (In Russian).

Стадниченко 2017 – Stadnichenko V.A., Hrjashheva N.P. «Zateisi» V.P. Astaf'eva: liriko-filosofskie miniatjury v sisteme malyh form «Pervoj tetradi» ["Zateisi" V.P. Astafyev: lyric-philosophical miniatures in the system of small forms of the "First Notebook"] // Filologicheskij klass [Philological class], 2017, № 2 (48), pp. 100–103. (In Russian).

Цуркан 2020a – Tsurkan V.V. Mif o schast'ye v russkoy literature 1930-kh gg. [Russian literature of 1930s : the myth about happiness] // Libri Magistri, 2020, № 4 (14), pp. 119–127. (In Russian).

Цуркан 2020b – Tsurkan V.V., Zaitseva T.B. Kontsept schast'ye v poezii K. Bal'monta i V. Bryusova [Concept happiness in K. Balmont's and V. Bryusov's poetry] // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2020, T. 13, № 10, pp. 70–74. (In Russian).

Якименко 1973 – Jakimenko L. Literaturnaja kritika i sovremennaja povest' [Literary Criticism and the Modern Novel] // Novyj mir [New World], 1973, № 1, pp. 238–250. (In Russian).

Абрамзон 2015 – Abramzon T. Philosophy of happiness in eighteenth-century Russia // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2015. Sofia, 2015, pp. 645–652. (In English).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Абрамзон 2015с – Abramzon T.V. O 'zabavnoj' Fortune v russkoy poezii XVIII veka [About "funny" fortune in Russian poetry of the 18th century] // Yumor i satira v koordinatakh XXI veka. Sbornik nauchnykh statej po materialam I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii [Humor and satire in the coordinates of the 21st century. Collection of scientific articles on the materials of the I International Scientific and Practical Conference.]. Varna, 2015. pp. 5–9. (In Russian).

Бедрикова 1995 – Bedrikova M.L. Hudozhestvennoe osmyslenie temy Velikoj Otechestvennoj vojny i sud'by cheloveka v rasskaze V. Astaf'eva «Zhizn' prozhit» [Artistic reflection of the Great Patriotic War and the fate of man in the story of V. Astaf'ev "Life to Live By"] // Velikaja Otechestvennaja vojna i sovremennij istoriko-kul'turnyj process [The Great Patriotic War and the modern historical and cultural process]. Magnitogorsk, 1995, pp. 51–55. (In Russian).

Хрящева 1987 – Hryashheva N. «Pastuh i pastushka» V. Astaf'eva. Tolstovskie tradicii i russkaja voinskaja povest' ["The Shepherd and the Shepherdess" by V. Astaf'ev. Tolstoy's Traditions and the Russian War Stories] // Pojetika russkoj sovetskoj prozy [Poetics of Russian Soviet Prose]. Ufa, 1987, pp. 112–127. (In Russian).

(Monographs)

Бахтин 2015 – Bahtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa [The Work of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, 2015. (In Russian).

Бергсон 1992 – Bergson A. Smeh [Laughter]. Moscow, 1992. (In Russian).

Выгон 2000 – Vygon N.S. Jumoristicheskoe miroshhushhenie v russkoj proze: problemy genezisa i pojetiki [Humorous Worldview in Russian Prose: Problems of Genesis and Poetics]. Moscow, 2000. (In Russian).

Лейдерман 2005 – Lejderman N.L. С веком наравне. Russkaja literaturnaja klassika v sovetskiju jepohu [With the century on a par. Russian Literary Classics in the Soviet Era]. Saint-Petersburg, 2005. (In Russian).

Лихачев 1984 – Lihachev D.S., Panchenko A.M., Ponyrko N.V. Smeh v Drevnej Rusi [The laugh in Ancient Rus']. Leningrad, 1984. (In Russian).

Сидоренко 2006 – Sidorenko I.V. Antropologija schast'ja [The Anthropology of Happiness]. Moscow, 2006. (In Russian).

Татаркевич 1981 – Tatarkevich V. O schast'e i sovershenstve cheloveka [On Human Happiness and Perfection]. Moscow, 1981. (In Russian).

Поступила в редакцию 18.01.2022